

ЗАЩИТА Л.Д. ТРОЦКИМ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ МОРАЛИ

Г. П. Гребенник

Среди большевиков Лев Давидович Троцкий (наст. фамилия Бронштейн, 1879-1940) идет сразу за Лениным. Как известно, до 1917 г. они были в разных политических станах, но прошли одну школу. И хотя Ленин в своем письме-завещании отмечал неслучайность небольшевизма Троцкого, в той же самой степени можно утверждать неслучайность его прихода в большевистскую партию в кризисном 1917-м г., а уж о выдающейся роли Троцкого в Октябрьском перевороте и гражданской войне говорить не приходится.

Посмертная судьба Троцкого была крайне несправедлива к нему. Что сделал с ним Сталин, говорить не будем. Но вот наступило время реабилитации. И тут на Троцкого «накатили» новые фальсификаторы. Официальные историки ельцинского режима А.Н. Яковлев и Д.А. Волкогонов представили Ленина и Троцкого главными архитекторами тоталитарно-бюрократической системы, которая, по словам Волкогонова, «всегда нашла бы своего Сталина». Причем Волкогонов написал целый том, «разоблачая» Троцкого в «преступлениях» большевизма. Почти единственный, кто вступился за честь Льва Давидовича, был историк В.З. Роговин (1937-1998). Он согласился с концепцией Троцкого сталинской антибольшевистской контрреволюции (термидора) и написал семь книг, в которых доказывал, что троцкизм представлял реальную альтернативу сталинизму, был продолжателем большевистской традиции. Кроме того, по следам появления книги генерала Д. Волкогонова о Троцком В. Роговин в начале 1990-х годов опубликовал в Бюллетене Четвертого Интернационала критическое эссе под названием «Волкогоновский Троцкий» [1]. Там Роговин презрительно характеризует Волкогонова: «автор, растерявший все свои былые общественные идеалы», «историк, за два-три года кардинально поменявший все свои убеждения, отрекшийся от всего, что он говорил и писал на протяжении более чем сорока лет»[2]. «Отождествление революционного насилия, обращенного против зверски сопротивляющихся классовых врагов, и политического геноцида по отношению к нескольким поколениям

революционеров — такова наиболее грязная идеологическая операция, проделанная Волкогоновым в книге о Троцком», - заключает свое эссе Роговин [2].

Вне зависимости от правоты Волкогонова или Роговина Л. Троцкий является личностью, которая имеет все права на внимание потомков. Его тексты являются документами аутентичного большевизма. Разбирая их, мы можем достоверно судить о *типе политического мышления* большевиков. В данной статье я обращаю внимание на проблему, которую сами лидеры большевизма считали малозначительной, а именно: на то, как они ощущали себя в нравственном плане, какую мораль исповедовали.

* * *

Два главных большевика абсолютно одинаково строили свои отношения с людьми. Это были сугубо политические отношения, обусловленные стратегическими целями, текущими задачами и партийной дисциплиной. Личный момент отходил здесь на второй план. Л.Д. Троцкий и не пытался на этот счет оправдываться. «Считаю себя вообще вправе сказать, - писал он в своих мемуарах, - что личные моменты никогда не играли никакой роли в моей политической деятельности. Но в великой борьбе, которую мы вели, ставка была слишком велика, чтоб я мог оглядываться по сторонам. И мне часто, почти на каждом шагу, приходилось наступать на мозоли личных пристрастий, приятельства или самолюбия» [3, 175].

Но этого сказать мало. Ленин и Троцкий идеально демонстрируют *тип большевика вообще*. Троцкий ясно это понимал. «Можно с полным правом говорить о психологическом типе большевика в противоположность, например, меньшевику, - замечал он. - При достаточной опытности глаз даже по внешности различал большевика от меньшевика. С небольшим процентом ошибок» [3, 243]. Понимал Троцкий и то, что революционный, большевистский тип оказался подходящим материалом для Сталина, чтобы из него пересоздать новый тип тоталитарного человека, уже не идейного борца за освобождения человечества от классового угнетения, а не размышляющего бойца за

исполнение партийных директив, увлеченного мыслью о карьере и культом личности верховного вождя. Но это уже другая история – трагическая история перерождения большевистской партии, вернее сказать, умерщвления ее при сохранении внешней ритуальности и идеологической преемственности с большевизмом. Настоящие большевики стали первыми жертвами сталинщины – еще до большого террора 1937-1939 гг. Можно спорить, насколько закономерным является факт перерождения большевизма, но то, что троцкистская оппозиция назвалась «организацией большевиков-ленинцев», должно было, по мысли Троцкого, указать, кто действительно является продолжателем революционной традиции большевизма, а кто – ее могильщиком.

После своего изгнания из СССР (в 1927 г.) и особенно после устранения Сталиным ленинского Политбюро Л.Д. Троцкий почувствовал себя обязанным вступить в борьбу с легионом обличителей Ленина и большевизма, дать марксистский ответ на их обвинения, защитить принципы политики и идеологии большевизма как революционного марксизма.

Критика большевизма, точнее сказать, его дискредитация в западной буржуазной, социал-реформистской и эмигрантской прессе осуществлялась как раз по линии осуждения «аморальности» средств, использованных большевиками в борьбе за власть. Стараясь внушить рядовому обывателю страх и отвращение к большевистской революции, западная пропаганда на все лады расписывала ее «ужасы» и «зверства». Больше всех доставалось, конечно, ЧК и Красной Армии. Излюбленным было сравнение большевиков с иезуитским орденом. Якобы большевики взяли у иезуитов на вооружение принцип «цель оправдывает средства». Во второй половине 30-х годов западные СМИ особенно педалировали сравнение сталинизма и гитлеровского фашизма. Причем не забывали подчеркнуть, что идейным отцом и учителем обоих диктаторов был Ленин.

Все это побудило Троцкого обратиться к теме «марксизм о морали». Неординарную защиту принципов большевистской морали он осуществил в статьях "Их мораль и наша" (1938), «Моралисты и сикофанты против марксизма» (1939 г.), опубликованных в его журнале «Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев)», в №№ 68-69 и 77-78*. Написанные в

блестящей полемической манере, с иронией и сарказмом, эти статьи и по сей день представляет собой теоретический интерес для тех, кто занят изучением проблемы функционирования морали в политике. Это даже нельзя назвать защитой: в полном соответствии с ленинским принципом воинственности пропаганды Троцкий не столько защищался, сколько нападал. Изложенная в этих статьях аргументация сводится к следующим положениям.

Первое. Не существует единой общечеловеческой морали. «Абсолютные», «вечные» нормы морали – это выдумка кантовской философии, поставленная на службу интересам буржуазии еще в эпоху свободной торговли и демократии. Нынешняя империалистическая буржуазия склонна соблюдать эти нормы еще меньше, чем ее либеральная бабушка. Кантовский категорический императив «не содержит ровно ничего категорического, ибо ничего конкретного. Это оболочка без содержания» [4, 110]. Если буржуазия и ее союзники с позиций этого императива говорят об «аморализме» большевиков, то это означает акт классовой борьбы. Сами большевики не отрицают значения морали хотя бы потому, что у них есть *своя* мораль, и им незачем «садиться на дохлую собаку вечной морали». Троцкий определяет мораль как одну из идеологических функций классовой борьбы. «...мораль, - утверждает он, - больше, чем какая-либо другая форма идеологии, имеет классовый характер» [4, 109].

Второе. Общепринятые элементарные правила морали, о которых толкуют большевистские критики, конечно, существуют, но сфера их действия ограничена и неустойчива; это скорее правила этикета, вежливости, обеспечивающие социальную гигиену и подкрепляющие силой воспитания и привычки силу государственного права. В мирное время государство ограничивается легализованными убийствами единиц, зато во время войны оно превращает "общеобязательную" заповедь: "не убий!" в свою противоположность, из чего становится очевидной относительность правил морали в политике.

Третье. Принцип «цель оправдывает средства» в силу своей абстрактности позволяет вывести из него любые следствия. Средства сами по себе не несут никакой моральной нагрузки, они нейтральны и могут быть морально оценены только в связи с целью, которой они служат. Поэтому и цель должна быть оправдана. Только конкретная постановка вопроса о цели и средствах может дать однозначный ответ на вопрос о правомерности применения тех или иных средств. Оценка любого эпизода, вырванного из контекста общих условий политической борьбы, есть пример несостоятельной и нечистоплотной критики

или добросовестного заблуждения, характерного для мелкобуржуазного сознания, органически не способного оценить явление во всей совокупности его взаимосвязей.

В этой связи Троцкий взял под защиту иезуитов. По его мнению, они были скомпрометированы своими врагами протестантами. Троцкий пишет: «Иезуитские теологи, которых, как и теологов других школ, занимал вопрос о личной ответственности, учили на самом деле, что средство, само по себе, может быть индифферентным, но что моральное оправдание или осуждение данного средства вытекает из цели. Так, выстрел сам по себе безразличен, выстрел в бешеную собаку, угрожающую ребенку, - благо; выстрел с целью насилия или убийства, - преступление. Ничего другого, кроме этих общих мест, богословы ордена не хотели сказать» [4, 107]. Какова была мораль самих обвинителей-протестантов, добавляет Троцкий, видно из того, что Мартин Лютер призывал истреблять восставших крестьян, поверивших ему, как «бешеных собак». «Доктор Мартин считал, очевидно, - ядовито замечает Троцкий, - что "цель оправдывает средства" еще прежде, чем это правило было приписано иезуитам» [4, 108].

Демонстрируя свой тезис о конкретности при решении вопроса о моральности тех или иных политических средств, Троцкий писал, что стоит только поставить конкретный вопрос: нужно ли испанским республиканцам оказывать вооруженное сопротивление фашистам Франко, и сразу прояснится правильный ответ: «...цель (демократия или социализм) оправдывает, при известных условиях, такие средства, как насилие и убийство. О лжи нечего уж и говорить! Без нее война немыслима, как машина без смазки» [4, 117].

Другим примером искусственного выделения вопроса об «аморальных средствах» из общего контекста гражданской войны он считал усердно муссируемый в западной и эмигрантской печати декрет о взятии заложников. Троцкий резонно заметил, что война бесчеловечна по своей сути, но разве человечество обходится без войн, разве не на совести правительств «демократических» стран развязывание мировой войны, унесшей десятки миллионов жизней? Морализаторы лицемерно помалкивают на сей счет.

Троцкий сформулировал моральное кредо революционера: для революционера «позволено всё то, что *действительно* ведёт к освобождению человечества» [4, 123]. "Именно из этого вытекает, что *не* все средства позволены, - замечает Лев Давидович. - Когда мы говорим, что цель оправдывает средства, то отсюда вытекает для нас и тот вывод, что великая

революционная цель отвергает в качестве средств все те низменные приёмы и методы, которыми <...> пытаются осчастливить массу без её участия; или понижают доверие массы к самой себе и к своей организации, подменяя его преклонением перед "вождями"[4, 124].

Четвертое. Троцкий не оправдывал чрезмерно крутые меры или злоупотребления, допущенные большевистской властью, лично им самим или санкционированные Лениным в годы гражданской войны. Он только хотел, чтобы было учтено, что эти меры проистекали не из доктрины большевиков и не из их «кровожадности», а носили ситуативный характер, вызванный слабостью Советского государства, утвердившегося в отсталой и истощённой стране, а также экстремальными условиями гражданской войны, когда не представлялось никакой возможности взвесить на весах объективности адекватность принимаемых мер возникшей угрозе. При этом Троцкий апеллировал к правосознанию западного человека: если нормальный человек имеет право на самооборону, то кто может оспаривать это право у революции?

Пятое. Буржуазное представление о демократии как внеисторической ценности есть идеологический миф, поскольку в реальной истории буржуазной демократии в мерзости не было недостатка. Достаточно указать, что для характеристики сталинской партийно-государственной бюрократии мы заимствуем понятия "термидор" и "бонапартизм", рожденные историей буржуазной демократии. Троцкий разоблачал фарисейское осуждение революционного насилия: «Без якобинской расправы над феодализмом немислима была бы даже и буржуазная демократия. Противопоставление конкретных исторических этапов: якобинизма, термидора, бонапартизма идеализованной абстракции «демократии» столь же порочно, как противопоставление родовых мук живому младенцу» [4, 115]».

Шестое. Сталинизм - не логическое продолжение большевизма, а его диалектическое отрицание, термидорианский переворот. Это подтверждается «чистками», направленными против большевиков. Они провели между большевизмом и сталинизмом не просто кровавую черту, а целую реку крови.

Полемика Троцкого с антикоммунистами дает пример междискурсионного диалога. Троцкий – представитель макиавеллианского дискурса и стоит на позиции политической морали, а именно той ее разновидности, которая называется *классовая мораль*. Его оппоненты – кантианцы и поддерживают приоритет общечеловеческой морали над политической. В вербальное столкновение вошли две разные логики,

две несравнимые системы моральных ценностей, две правды. В результате - взаимное непонимание и подозрение. Троцкий не без основания подозревал их в политическом лицемерии, а они его – в цинизме. Это – диалог глухих. По-видимому, идеологическая борьба не может быть иной. Но жизнь продолжается. Поэтому и Советский Союз, и капиталистические государства со временем согласились, что идеологические разногласия, в принципе непреодолимые, не должны мешать текущим межгосударственным взаимоотношениям. Такой подход был назван *принципом мирного сосуществования государств с различным социальным строем*, и его обоснование связывают с ленинскими работами периода подготовки к Генуэзской международной конференции (1922г.). Такой подход также, между прочим, являет пример чистого макиавеллизма, который в международных отношениях значительно доминирует над кантианским либерализмом прав человека.

Л. Троцкий убедительно продемонстрировал возможности марксистского анализа в области этики. Однако был ли он *во всем* прав? А.А. Гусейнов в комментарии к статье «Их мораль и наша» показал, что правота Троцкого имеет ограничение. Она распространяется только на мир политического, а за его пределами превращается в воспевание аморализма и насилия. Но в том-то все и дело, что Троцкий не знает (и не хочет знать) другого мира. «Троцкий, - отмечает Гусейнов, - ошибается как философ. Многомерный мир под его пером превращается в одномернополитический. <...> политическое принуждение он возводит в моральное убеждение» [5, 136].

Если бы Л.Д. Троцкий не был односторонне ориентирован на оправдание политического насилия «наших», он мог бы подумать над вопросом: а нет ли связи между раскрученной в годы гражданской войны спиралью насилия и победой сталинистов над большевистской партией и последовавшего за ней «большого террора»? Ведь Троцкий сам доказывал, что каждая революция сопровождается откатом, имеет свой термидор. Победа в гражданской войне достигнута, но набравшая обороты машина насилия не была остановлена. Железно усвоенный метод деления на «наших» и «ненаших» сталинисты использовали для выявления «ненаших» уже среди «наших». И после нескольких широкомасштабных чисток все разнообразие, создающее саму возможность политики, переместилось в лагерь или эмиграцию, а на «воле» воцарился страх перед иррациональностью сталинского массового террора.

Человек, пришедший в революцию по идейным соображениям, и человек, стремящийся попасть в партию власти, - совершенно разные по нравственному модусу люди. Большевики, безусловно, были духовными людьми, но их духовность была «низкого» свойства, поскольку ее природа ограничивалась политической идейностью и, соответственно, политической моралью. Н.А.

Бердяев писал о духовности большевизма как о «правде» большевизма и революции 1917 г. И он же великолепно подметил ее специфическую печать на человеческом типаже. В рецензии на книгу Л. Д. Троцкого «Моя жизнь. Опыт автобиографии» (1930) Бердяев писал: «Автобиография Троцкого есть, конечно, очень интересный и талантливый документ нашей революционной борьбы. Но она поражает незначительностью внутренней жизни души, раскрывшей свою жизнь. Душа эта выброшена на поверхность, целиком обращена во вне, вся исходит во внешних делах. Жизнь этой души рассказана так, как будто самой души нет, и во всяком случае нет в ней духовного начала. Почему Троцкий стал революционером, почему социализм стал его верой, почему всю жизнь свою он отдал социальной революции? Внутренний генезис веры Троцкого, внутреннее формулирование его мировоззрения почти совсем не раскрыты. Указанные им внутренние мотивы образования революционного чувства жизни незначительны и не могут объяснить такой революционной энергии» [6, 80-81].

Действительно, при чтении мемуаров Троцкого ловишь себя на мысли, что он нигде не делает попытки «копаться» в своей душе, он весь обращен на «дела». Оценки и характеристики людей даются им с точки зрения того, какую пользу или вред они могут нанести революции. Все большевистские вожди, начиная с Ленина, были «скроены» по одному образцу, точно угаданному И. С. Тургеневым в его Базарове.

Л и т е р а т у р а

1. Бюллетень Четвертого Интернационала. - декабрь 1993. - № 7. - С. 189-210.
2. [file:///D:/Мои документы/Роговин/vol1-m15.shtml](file:///D:/Мои%20документы/Роговин/vol1-m15.shtml).
3. Троцкий Л.. Моя жизнь: Опыт автобиографии. – В 2-х томах. – Т. 2. – М.: Книга, 1990. – 341с.
4. Троцкий Л.Д. Их мораль и наша // Вопросы философии. – 1990. - №5. – С. 105-126.
5. Гусейнов А.А. Мораль и насилие // Вопросы философии. – 1990. - №5. – С. 127-136.
6. Бердяев Н.А. Рецензия на книгу: Л. Троцкий. Моя жизнь. Опыт автобиографии // Социологические исследования. – 1990. - №5. – С. 80-82.

Статья опубликована в: Науковий вісник: Одеський державний економічний університет. – 2005. - № 7 (19). – С. 163-171. Язык публикации – русский.

* Чтобы быть точным, следует заметить, что в первый раз Троцкий подошел к этой теме еще в 1920-м году, когда он «ответил» на книгу Карла Каутского «Терроризм и коммунизм» (1919), обвинившему большевиков в антидемократичности и развязывании массового террора. Свою книгу-ответ он назвал «Терроризм и коммунизм. Анти-Каутский».